

«ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА» НА УРАЛЕ В 1930-е гг.: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД

Камынин Владимир Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета им. Первого президента РФ Б.Н. Ельцина, Заслуженный работник высшей школы РФ. Екатеринбург, Российская Федерация

Лазарева Елена Владимировна, кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета им. Первого президента РФ Б.Н. Ельцина. Екатеринбург, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу политики советского государства в области развития исторических исследований на Урале в 1930-е гг. Ранее это называлось «государственным руководством наукой», в настоящее время именуется «исторической политикой». Рассматривается влияние деятельности государственных органов на организацию научных исследований по изучению истории. Под «организацией научных исследований» понимается деятельность научных учреждений, вузов, краеведческих обществ, состояние научных кадров, занимающихся изучением истории. Выделяются этапы в реализации «исторической политики» в 1930-е гг. Делается вывод о том, что наиболее значительные изменения в политике государства в отношении исторической науке произошли на рубеже 1920-х – 1930-х гг. Анализируется полемика, происходящая в современной науке, по поводу причин изменения «исторической политики» в этот переломный для страны период. Дается оценка репрессий, обрушившихся на историков Урала. Впервые в научной литературе выделены этапы преследования историков на протяжении данного десятилетия.

Ключевые слова: «историческая политика», историческая наука, научные учреждения, краеведческие общества, кадры историков, репрессии.

ВВЕДЕНИЕ

Вмешательство государства в представления о прошлом наблюдалось на протяжении всей человеческой истории. Государственная власть заинтересована в управлении исторической памятью общества и всегда нацеливает историков на переписывание истории «под себя». В ее распоряжении существуют многочисленные инструменты для оказания давления на ученое сообщество, которое решает различные задачи. Во-первых, задача формирования исторической традиции, выгодной существующей власти, во-вторых, задача преследования инакомыслящих. Использование различных инструментов воздействия на историческую науку меняется в зависимости от исторической эпохи, но в концентрированном виде происходит в переломные эпохи, которой несомненно являлись 1930-е гг. в советской стране.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Создание механизма вмешательства государства в историческую науку на рубеже 1920 – 1930-х гг.

На рубеже 1920-х – 1930-х гг. в развитии исторической науки в СССР стали происходить большие изменения, основным вектором которых был переход

от плюрализма мнений, характерного для науки предшествующего периода, к методологическому монополизму, основанному на господстве марксистско-ленинской идеологии. Государственная власть сделала все для выкорчевывания инакомыслия из общественных наук.

О коренных изменениях, которые произошли в исторической науке на рубеже 1920-х – 1930-х гг., много писали обществоведы в годы «перестройки». Они связывали эти изменения с деятельностью лично И.В. Сталина. По словам П.В. Волобуева, «с конца 20-х гг. Сталин поднимает на уровень государственной политики чуждую ленинизму и коммунистической нравственности практику обмана масс, манипулирование общественным сознанием». Ученый признавал, что одним из факторов «исторической политики» государства, которая оказала влияние на развитие исторической науке на рубеже 1920-х – 1930-х гг., стали гонения на представителей «старой школы» историков. П.В. Волобуев подчеркивал: «Для того чтобы обществоведы знали свое место, на них, как и на научно-техническую интеллигенцию, уже в конце 20-х гг. был обрушен град репрессий. Первыми пострадали тогда историки, в том числе академики и члены-корреспонденты АН СССР (С.Ф. Платонов, Е.В. Тарле, Н.П. Лихачев, В.Г. Дружинин и др.¹).

¹ Волобуев П.В. Сталинизм и социальное познание советского общества // История и сталинизм. М., 1991. С. 31.

Преследование представителей старой научной интеллигенции происходило и на Урале. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. был нанесен удар по старой вузовской профессуре. К этому времени основным центром подготовки кадров профессиональных историков был Пермский университет. Только в начале 1930-х гг. были открыты исторические факультеты в Пермском и Свердловском пединститутах. В Пермском педагогическом институте с 1931 г. под руководством профессора А.А. Савича начала работать аспирантура по истории.

В апреле 1929 г. в газете «Уральский рабочий» прозвучала критика в отношении «неисправимых историков», окопавшихся в Пермском университете, и приверженцев гуманитарного краеведения. Критики потребовали от Уральского областного бюро краеведения «очистить общества и музеи от лжеспециалистов», «превратить краеведение в орудие классово-борьбы пролетариата»². В результате был закрыт кружок по изучению Северного края при Пермском университете во главе с профессором П.С. Богословским³.

В 1930 г. в статье удмуртского исследователя В.А. Максимова была подвергнута критике работа преподавателя Вятского педагогического института П.Н. Луппова «Исторический очерк Вятского края». Автора упрекали в слабой идейной позиции⁴.

В 1931 г. в журнале «Уральский коммунист» была опубликована статья С. Кузнецова, в которой говорилось, что Уральский обком ВКП(б) «вскрыл факты гнилого либерализма и сползания на классово-враждебные позиции» в руководстве ряда вузов Урала, в частности Пермского университета, критиковались работы профессора А.А. Савича⁵. По нашему мнению, этот факт напрямую связывает критику в отношении вузовской профессуры Перми с «делом» академика С.Ф. Платонова, ибо хорошо известно, что С.Ф. Платонов неоднократно давал отзывы на труды А.А. Савича, в которых «отмечались зрелость исследователя, поразительная работоспособность, талантливость»⁶.

В ноябре 1931 г. Уралобком ВКП(б) принял специальное постановление о деятельности Пермского университета и Пермского педагогического института⁷. Оно носило программный характер и было направлено на окончательную ликвидацию старой профессуры в вузах Урала. В нем, наряду с критикой «реакционной профессуры, которая вела открытую пропаганду в так называемых “Научных трудах” Пермского университета и его обществ», Уралисполкпреду предлагалось провести «большевистскую критику всех работников научно-исследовательского фронта, всей литературной продукции по истории коммунистической партии»⁸.

² О неисправимых историках и служебной роли краеведения // Уральский рабочий. 1929. 4 апр. С. 2.

³ Пикулева С.В. Богословский Павел Степанович // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С. 93.

⁴ Максимов В.А. О книге П.Н. Луппова «Исторический очерк Вятского края» (Вятка, 1930) // Ижевская правда. 1930. 7 июня. С. 3.

⁵ Кузнецов С. Письмо т. Сталина и задачи борьбы на идеологическом фронте // Уральский коммунист. 1931. № 16. С. 17.

⁶ Корнилов Г.Е. Савич Александр Антонович // Историки Урала XVIII–XX вв. Екатеринбург, 2003. С. 319.

⁷ Уральский коммунист. 1932. № 1. С. 4–6.

⁸ Кузнецов С. Письмо т. Сталина и задачи борьбы на идеологическом фронте // Уральский коммунист. 1931. № 16. С. 17–18.

На рубеже 1920-х – 1930-х гг. была проведена «реорганизация» деятельности краеведческих обществ. Этим термином обозначались, во-первых, постановка перед краеведами новых исследовательских задач. На IV Уральской областной краеведческой конференции, состоявшейся в Свердловске 20–22 декабря 1929 г., была выдвинута задача направить деятельность краеведов на освещение и практическое участие в реализации «пятилетнего плана культурно-хозяйственного строительства Уральской области»⁹. Среди конкретных научно-исследовательских задач краеведов значились: обследование и изучение условий труда и быта, подготовки кадров отдельных отрядов уральских рабочих; описание уральских заводов по программе, составленной совместно с Центральным бюро краеведения. Эта программа включала, в частности, раздел о рабочей силе, предусматривающий серьезное и многостороннее изучение изменений в составе рабочего класса, организации труда, политической активности, культурном уровне¹⁰. На краеведов возлагалась в 1930-е гг. ответственность на написание научной истории уральских предприятий.

Второй аспект проводимой на рубеже 1920-х – 1930-х гг. «реорганизации» деятельности краеведческих обществ Урала заключался в их чистке от представителей старой научной интеллигенции. Н.Н. Тагильцева пишет, что краеведческие общества по всей стране с конца 1920-х гг. подверглись идеологическим, политическим и административным методам давления. Краеведы обвинялись в идеализации буржуазно-помещичьего строя, «идеалистическом мракобесии, пропаганде религии» и «явно контрреволюционной трактовке исторического материала». Представляется закономерным, что из уральских краеведов по «делу» академика С.Ф. Платонова арестовали крупного ученого М.О. Клера¹¹. Это событие имело большое значение для разгрома краеведческих организаций Урала, поскольку М.О. Клер с 1911 г. по 1920 г. заведовал музеем УОЛЕ, а в 1920–1923 гг. был президентом УОЛЕ¹². По данным М.П. Покровского, основанием для ареста ученого было «дело Рамзина», т.е. процесс «Промпартии»¹³. Одно несомненно, что его арест послужил толчком к ликвидации Уральского общества любителей естествознания.

Реорганизация научных учреждений Урала в 1930-е гг.

В 1930-е гг. проходила дальнейшая реорганизация деятельности краеведческих обществ, которая была направлена на ликвидацию их самостоятельности. В 1935 г. Уральское бюро краеведения было преобразовано в оргбюро по изучению областей, которые в 1938 г. были переданы в подчинение органов народного образования. Фактически это означало ликвидацию

⁹ ГАСО. Ф. 677-р. Оп. 1. Д. 59. Л. 38.

¹⁰ Там же. Л. 19.

¹¹ Тагильцева Н.Н. Репрессии против членов краеведческих обществ Урала в конце 20-х – 30-е гг. // История репрессий на Урале в годы Советской власти. Екатеринбург, 1994. С. 95.

¹² Зорина Л.И. Клер Модест Онисимович // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С. 265.

¹³ Покровский М.П. М.О. Клер // Научно-техническая интеллигенция Урала в 20-е – 30-е гг.: дела и судьбы. Екатеринбург, 1993. С. 47.

краеведческих организаций. По данным современных исследователей, многие краеведы подвергались репрессиям¹⁴.

На протяжении долгих лет изучением истории советского Урала занимались практически все работники статистических и хозяйственных органов, руководители различных отраслей промышленности, партийные и профсоюзные лидеры. Однако в условиях советской действительности их место постепенно занимают профессиональные историки.

Именно на это были направлены основные усилия советского руководства, создававшего организационные основы новой марксистской исторической науки. Основными центрами ее на Урале в 1930-е гг. продолжали оставаться комиссии по истории партии (истпарты). В начале 1930-х гг. штат научных сотрудников Уралистпарта пополнился квалифицированными специалистами, получившими высшее образование¹⁵. К ним можно отнести Р.М. Рубинштейн, Г.П. Рычкову, А.П. Шавина и др.

В начале 1930-х гг. на Урале были созданы научные общества, сотрудники которых принимали участие в изучении различных проблем истории края.

30 июля 1931 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «Об издании истории гражданской войны». По всей стране началась собирательская, научно-исследовательская и публикаторская работа по данной теме. В Свердловске при истпарте по инициативе Уралобкома ВКП(б) был создан комитет для содействия изданию из представителей партийных организаций, различных обществ, объединявших ветеранов революции и гражданской войны, научных и архивных учреждений, политорганов Красной Армии. В других крупных городах и заводских поселках Урала организовывались соответствующие комиссии¹⁶.

10 октября 1931 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) об издании «Истории заводов». В нем предусматривалось, что книги по истории заводов должны включать материал, характеризующий «изменение типа рабочего, ударничество, соцсоревнование и подъем производства за последние годы»¹⁷. Среди заводов страны, чья история должна была быть написана в первую очередь, назывались крупнейшие и старейшие заводы Урала: Нижне-Тагильский, Мотовилихинский и Кыштымский¹⁸.

Уже в конце 1931 – первой половине 1932 гг. на многих уральских заводах началась работа по сбору материала и составлению плана будущих книг. Для активизации работы в этой области в октябре 1932 г. в Свердловске состоялось совещание научной общественности края, созванное по решению Уралобкома ВКП(б) по вопросу об изучении истории фабрик и заво-

дов. На совещании представители общественности высказались за необходимость координации усилий в этой области. По итогам совещания было принято специальное постановление Уралобкома, которое обязывало все научные и краеведческие общества выделить специалистов для написания истории предприятий¹⁹.

Вскоре были приняты конкретные меры по реализации решений совещания. Уральское областное книжное издательство было подключено к изданию серии книг «На стройке Урало-Кузбасса»²⁰. В 1932 г. было принято решение о создании Уральской областной редакции истории фабрик и заводов, в апреле 1934 г. были утверждены ее штаты. Главным редактором был назначен П.М. Новлянский. В составе редакции работало четыре человека²¹.

Редакция проделала большую работу по сбору источников для создания истории уральских предприятий, по выявлению литературы и составлению библиографии по истории уральской промышленности. По нашему мнению, ее главная заслуга заключается в объединении разрозненных авторов в коллективы по написанию истории отдельных предприятий²². П.М. Новлянский подчеркивал, что работа редакции во многом зависела от степени участия в ней широких масс рабочих, старых большевиков, наличия и качества авторских коллективов, состоящих из писателей, историков-марксистов, инженерно-технического персонала²³.

В первой половине 1930-х гг. начинают создаваться научно-исследовательские учреждения в автономных республиках Урала, где были сосредоточены кадры историков-марксистов, которые начали изучать формирование национальных отрядов рабочего класса Урала. В марте 1931 г. было создано первое научное учреждение Удмуртии – научно-исследовательский институт истории, экономики, языка и литературы. В нем в 1930-е гг. активно работали в этой области профессиональные историки Ф.П. Макаров и В.А. Максимов. С 1935 по 1937 гг. Ф.П. Макаров являлся директором Удмуртского научно-исследовательского института истории, экономики, языка и литературы. Он в 1920-е гг. закончил Коммунистический университет трудящихся Востока, а в 1929–1932 гг. обучался в аспирантуре научно-исследовательского института при данном университете²⁴.

Борьба с инакомыслием

На рубеже 1920-х – 1930-х гг. началось преследование и историков-марксистов, воспитанных в стенах учебных и научно-исследовательских учреждений нового профиля в 1920-е гг. Оно активно велось на протяжении всех 1930-х гг. По нашим наблюдениям, можно выделить несколько этапов в этом процессе.

¹⁴ Тагильцева Н.Н. Репрессии против членов краеведческих обществ Урала. С. 95.

¹⁵ Васьковский О.А. Историография и социально-политические проблемы истории гражданской войны на Урале. Свердловск, 1981. С. 39.

¹⁶ Васьковский О.А. Указ. соч. С. 50.

¹⁷ Из постановления ЦК ВКП(б) об издании «Истории заводов» // А.М. Горький и создание истории фабрик и заводов: сб. док. и матер. в помощь работающим над историей фабрик и заводов СССР. М., 1959. С. 31.

¹⁸ Горький А.М. История фабрик и заводов // А.М. Горький и создание истории фабрик и заводов. М., 1959. С. 29.

¹⁹ Уральский коммунист. 1932. № 6. С. 67.

²⁰ Сергеев С., Бубнов Н. Против вульгаризации и упрощенчества в освещении истории проблем Урало-Кузнецкого комбината // Урал. коммунист. 1932. № 6. С. 74.

²¹ ГАСО. Ф. 318-р. Оп. 1. Д. 4. Л. 154-155.

²² Камынин В.Д. Деятельность Уральской областной редакции «Истории фабрик и заводов» (1932–1938) // История предприятий СССР: методология и источники. М., 1987. С. 85.

²³ ГАСО. Ф. 318-р. Оп. 1. Д. 24. Л. 68.

²⁴ Заболотный Е.Б. Макаров Фаддей Петрович // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С. 324.

Обращает на себя внимание то, что современные авторы по-разному подходят к определению исходной даты, с которой связано начало наступления на историков – марксистов первого поколения. Е.Б. Заболотный полагает, что критика некоторых историков-марксистов началась после ряда высказываний Сталина против обществоведов в конце 1920-х гг. Он пишет, что «высказывания Сталина совпали с начавшейся в 1929 г. травлей историков в связи с “делом академика С.Ф. Платонова”». Автор отметил, что в 1929 г. в журнале «Уральский коммунист» появился ряд статей, в которых критиковались некоторые уральские историки, в том числе А.П. Таняев²⁵.

По мнению П.В. Волобуева, «точкой отсчета погроста в исторической науке является печально знаменитое письмо Сталина в редакцию журнала “Пролетарская революция” (1931 г.)»²⁶. Н.Н. Маслов писал, что «это резкое, местами просто грубое по форме письмо с недвусмысленными политическими обвинениями против “троцкистствующих” историков сыграло впоследствии решающую роль в подчинении целям идеологии сталинизма»²⁷.

Сравнивая критику, которая прозвучала в адрес историков-марксистов Урала на рубеже 1920-х – 1930-х гг., с критикой, которая развернулась после опубликования письма Сталина, следует отметить ее гораздо более массовые масштабы и более изощренные формы. По нашему мнению, наступление на историческую науку прошло несколько этапов.

На первом этапе проходила кампания по проработке исторических произведений 1920-х гг. и политической дискредитации историков. А.И. Алаторцева писала: «В письме упоминалось всего три имени, но создавалось впечатление массовости ошибок, толпы виноватых»²⁸. По словам В.А. Дунаевского, сам характер выступления Сталина немедленно привел «к самообичиванию и к покаанным письмам, а затем и к репрессиям по отношению к лицам, подвергавшимся сталинской критике»²⁹.

На Урале эта кампания затронула многих историков. Она началась со Свердловска, который в начале 1930-х гг. был не только столицей Уральской области, но в нем были сосредоточены ведущие научные и учебные центры Урала. Здесь работали наиболее крупные исследователи истории края А.П. Таняев, С.М. Петров и Ф.П. Быстрых. А.П. Таняев в начале 1930-х гг. активно занимался научными исследованиями, принимал участие в работе Уральского областного комитета содействия изданию истории гражданской войны³⁰, а также в редактировании материалов истории классово-борьбы в редакции «Уральской советской энциклопедии»,

первый том которой вышел в 1933 г. В 1932–1933 гг. он возглавлял Уралистпарт³¹. С.М. Петров в начале 1932 г. находился на преподавательской работе в Урало-Сибирском коммунистическом университете, активно занимался научно-исследовательской работой. В 1932–1934 гг. он обучался в Москве в Институте красной профессуры. После его окончания он до 1940 г. преподавал историю партии в Челябинском пединституте, а потом был отозван на работу в Москву³².

В 1929–1937 гг. в ряде вузов Свердловска руководил кафедрами истории ВКП(б) выпускник Академии коммунистического воспитания (Москва) Ф.П. Быстрых. В 1937 г. ему была за опубликованную монографию присуждена ученая степень кандидата исторических наук³³. По словам Н.Н. Алеврас, «научная деятельность известного уральского историка Ф.П. Быстрых положила начало прочной традиции в историческом ураловедении, без анализа которой трудно понять основные тенденции и характерный концептуальный контекст исторической науки советского времени»³⁴.

В начале 1930-х гг. по инициативе Уральского обкома ВКП(б) в Уралистпарте были организованы публичные обсуждения местной исторической литературы. Целью обсуждений была «проработка» вышедшей в 1920-е гг. истпартовской литературы с точки зрения соответствия ее марксистско-ленинскому учению и разоблачение меньшевистско-эсеровских и троцкистских фальсификаций истории партии. Для критики исследователей была создана специальная «бригада» из партийных работников и старых большевиков.

В ходе обсуждений А.П. Таняеву и С.М. Петрову были наклеены ярлыки «враждебно или чуждо настроенных по отношению к Коммунистической партии», им приписывались «грубые ошибки исторического и принципиального характера, меньшевистски-троцкистские извращения истории большевистских организаций и рабочего движения на Урале»³⁵. Историкам ставилась в вину «ошибочная, объективистская трактовка социальной природы уральского рабочего, проникшая в литературу 1920-х гг. под влиянием мелкобуржуазной идеологии»³⁶.

Подвергнутых публичной критике историков заставляли каяться, признавать свои мнимые ошибки. А.П. Таняев в письме в редакцию журнала «Уральский коммунист» квалифицировал свои ошибки и ошибки своих сотрудников как троцкистские³⁷. После проведенной

²⁵ Заболотный Е.Б. Российская историография революции 1917 г. на Урале. Екатеринбург, 1995. С. 57.

²⁶ Волобуев П.В. Сталинизм и социальное познание советского общества // История и сталинизм. М., 1991. С. 34.

²⁷ Маслов Н.Н. Об утверждении идеологии сталинизма // История и сталинизм. М., 1989. С. 71.

²⁸ Алаторцева А.И. Советская историческая наука на переломе 20-30-х гг. // История и сталинизм. М., 1989. С. 267.

²⁹ Дунаевский В.А. О письме Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» и его воздействии на науку и судьбы людей // История и сталинизм. М., 1989. С. 286.

³⁰ ЦДООСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 4. Л. 4-5.

³¹ Голубцова Р.И. А.П. Таняев о проблемах Октябрьской революции и гражданской войне на Урале // Историография истории Урала периода Октябрьской революции и гражданской войны. 1917–1920. Свердловск, 1984. С. 52.

³² Гаврилов Д.В. С.М. Петров. У истоков марксистской исторической науки на Урале // Летописцы родного края (Очерки об исследователях истории Урала). Свердловск, 1990. С. 120.

³³ Попов Н.Н. Быстрых Федор Павлович // Историки Урала XVIII–XX вв. Екатеринбург, 2003. С. 61.

³⁴ Алеврас Н.Н. Ф.П. Быстрых и проблема уральского рабочего с делом // Урал в XX веке: Экономика и политика. Екатеринбург, 2001. С. 7.

³⁵ Бригада. Против троцкистских извращений в освещении истории большевистских организаций и рабочего движения в революции 1905 г. // Уральский коммунист. 1932. № 1. С. 102.

³⁶ ЦДООСО. Ф. 129. Оп. 2. Д. 2. Л. 90–92.

³⁷ Таняев А.П. Письмо в редакцию // Уральский коммунист. 1932. № 8. С. 42–45.

«проработки» «покаянное» письмо в редакцию газеты «Ижевская правда» с признанием и разоблачением своих ошибок в изучении истории рабочего класса направили сотрудник Удмуртского НИИ В.А. Максимов³⁸.

По поводу «покаянной» кампании, которая проходила в начале 1930-х гг., Г.Д. Алексеева пишет: «Вся эта кампания приобрела весьма своеобразное содержание, поскольку некоторые историки выступили с рядом идей и предложений, которые были весьма созвучны обстановке тех лет и начавшемуся новому этапу науки. И, тем не менее, эти идеи были отвергнуты, а их авторам опять приходилось каяться и бичевать себя за неверные позиции, ошибки, просчеты, которые, как правило, связывались с политикой, с политической борьбой»³⁹.

На первом этапе развернулась настоящая травля лучших периодических изданий Урала. В центральной печати критике была подвергнута деятельность редакции единственного на Урале профессионального не только общественно-политического, но и исторического журнала «Уральский коммунист». В 1930 г. в журнале «Партийное строительство» она была раскритикована за слабое освещение в журнале истории промышленности и советского рабочего класса⁴⁰. Между тем, на страницах этого журнала печаталось в 1920-х – начале 1930-х гг. достаточно много статей по истории уральских рабочих. В 1933 г. в журнале «Большевистская печать» опубликованные в «Уральском коммунисте» материалы были представлены как «худосочная, систематически отстающая от жизни регистрационная ведомость, написанная сухим, канцелярским языком, чрезвычайно плохо внешне оформленная»⁴¹. В результате критических выступлений с начала 1934 г. издание журнала «Уральский коммунист» было прекращено.

В свою очередь, уральские партийные органы выступили с критикой деятельности редакций местных периодических изданий. Уралобком ВКП (б) критиковал редакцию органа Кунгурского истпарта «Крот» за то, что она часто предоставляла страницы своего журнала материалам эсеровского содержания, которые искажали подлинную историю революционной борьбы⁴².

Вслед за проведением кампании по проработке историков и вышедшей в 1920-е гг. литературы начались настоящие репрессии. На Урале они коснулись наиболее видных исследователей. В 1937 г. был арестован А.П. Таяев, который находился в заключении до 1956 г.⁴³ Д.В. Бугров и Н.Н. Попов отмечают: «Массовые “чистки” конца 1930-х гг. не обошли и Ф.П. Быстрых. В сентябре 1937 г. он был исключен из ВКП(б) за “притупление политической бдительности” и, конечно, уволен с преподавательской работы»⁴⁴. Д.В. Гав-

рилов пишет: «Только отъезд С.М. Петрова из Свердловска спас его от репрессий, которым в 1937–1938 гг. подверглись свердловские историки, обвиненные в принадлежности к “троцкистской организации” и “распространению троцкистских взглядов”»⁴⁵.

Репрессии затронули историков и в других регионах Урала. Особенно интенсивно они проходили в Удмуртии, где были в наличии крупные научно-исследовательские центры и где имелись сильные традиции в изучении истории рабочего класса. В июне 1934 г. Удмуртский обком ВКП(б) принял постановление «О положении на фронте исторической науки в Удмуртии». В нем ведущие историки республики были подвергнуты критике за недооценку роли русского пролетариата и большевистских организаций революционной борьбой удмуртского народа, указывалось на слабую изученность особенностей развития исторического процесса в Удмуртии. Партийный орган настаивал на «дальнейшем развертывании творческой дискуссии в среде историков, обеспечении условий для коллективной научной деятельности с целью ликвидации явлений обособленности»⁴⁶.

Современные историки показывают, что выход данного постановления ознаменовал переход к разнузданной, огульной критике историков. О.И. Васильева подчеркивает: «Во второй половине 30-х гг. были “раскрыты” “контрреволюционные организации” в Удмуртском пединституте и Ижевском медицинском институте, разоблачены “враги народа” в Наркомпросе УАССР, в Удмуртском научно-исследовательском институте среди историков и краеведов»⁴⁷. Таким образом, последовавшие за этой критикой репрессии, привели к фактическому разгрому единственного научного центра в Республике – научно-исследовательского института истории, экономики, литературы и языка.

Из профессиональных историков в Удмуртии были репрессированы директор Удмуртского НИИ Ф.П. Макаров, исключенный в 1937 г. из партии, осужденный на 5 лет по статье 58-10, 11 за участие в «контрреволюционной группе», состоявшей из партийных и государственных деятелей Удмуртии, окончивших Коммунистический университет трудящихся Востока⁴⁸; научные сотрудники института В.А. Максимов, окончивший Коммунистическую Академию общественных наук в Москве, обвиненный в отсутствии классового подхода в исследованиях, П.В. Кильдибеков и др. Труды В.А. Максимова и Ф.П. Макарова были изъяты из обращения как «контрреволюционные» и «троцкистские»⁴⁹. Такие ярлыки в конце 1930-х гг. навешивались практически на все истпартовские издания, которые были изъяты из обращения.

³⁸ Максимов В.А. Письмо в редакцию «Ижевской правды» // За марксистско-ленинскую историю Удмуртии. Ижевск, 1934. С. 81–86.

³⁹ Алексеева Г.Д. История. Идеология. Политика (20–30-е гг.) // Историческая наука России в XX в. М., 1997. С. 145.

⁴⁰ Партийное строительство. 1930. № 5. С. 52.

⁴¹ Большевистская печать. 1933. № 10. С. 96.

⁴² ЦДОСО. Ф. 221. Оп. 2. Д. 131. Л. 111–118.

⁴³ Заболотный Е.Б. Таяев Александр Петрович // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С. 520.

⁴⁴ Бугров Д.В., Попов Н.Н. Ф.П. Быстрых на крутых поворотах истории // Урал в XX веке: Экономика и политика. Екатеринбург, 2001. С. 4.

⁴⁵ Гаврилов Д.В. С.М. Петров. У истоков марксистской исторической науки на Урале // Летописцы родного края (Очерки об исследователях истории Урала). Свердловск, 1990. С. 119.

⁴⁶ За марксистско-ленинскую историю Удмуртии. Ижевск, 1934. С. 7.

⁴⁷ Васильева О.И. Репрессии против удмуртской интеллигенции и проблемы национального просвещения // История репрессий на Урале в годы Советской власти. Екатеринбург, 1994. С. 15.

⁴⁸ Васильева О.И. Макаров Фаддей Петрович. С. 213.

⁴⁹ Пащикова И.А. Историческая наука в национальных районах Урала в 30-е гг. // История репрессий на Урале в годы Советской власти. Екатеринбург, 1994. С. 73.

Наконец последний этап наступления на историческую науку, который был связан с письмом Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция», был связан с приведением методологии исторических исследований в соответствии с провозглашенным Сталиным принципом партийности. Прекратились дискуссии по методологическим вопросам, были раскритикованы все антимарксистские теоретические подходы. В.А. Дунаевский пишет: «По существу, на протяжении более чем двух с половиной десятилетий на обсуждение вопросов, которых касался Сталин в своем письме, было наложено табу. Разрешалось в лучшем случае лишь дословное повторение идей “величайшего теоретика всех времен и народов”»⁵⁰.

За всех историков думал сам Сталин. Венцом его творчества в области методологии истории стал «Краткий курс истории ВКП(б)», названный историками периода «перестройки» в исторической науке – «энциклопедией культа личности Сталина». В нем содержался философский раздел «О диалектическом и историческом материализме», который стал после его публикации единственным и наиболее авторитетным изложением марксистской философии⁵¹.

По словам философа Г. Волкова, «как популярное изложение марксизма, как пособие по “ликбезу” в области философии эта работа была не хуже, а может быть, и лучше многих других. И наряду с другими она могла бы оказаться очень полезной. Но в том, что “наряду” уже не существовало. Она стала единственной, уникальной и была объявлена вершиной марксистско-ленинской мысли, в ее автор – гением из гениев всех времен и народов, корифеем всех наук»⁵².

На рубеже 1930-х – 1940-х гг. началась новая «реорганизация» исторических учреждений на Урале. Была ликвидирована сеть специализированных научно-исследовательских (истпарты, истпрофы, истомолы) и ряда учебных заведений (Урало-Сибирский коммунистический университет), созданных в 1920-е гг. и с этого времени основные кадры историков Урала были сосредоточены в высших учебных заведениях и вновь создаваемых научно-исследовательских центрах.

В 1938 г. у руководства Удмуртского НИИ стали новые люди, и институт постепенно восстановил свой научный потенциал. В это время Удмуртский институт истории, языка и литературы был включен в систему АН СССР.

Именно к этому времени относится массовое распространение исторического образования на Урале в высших учебных заведениях⁵³. В 1938 г. был открыт исторический факультет в Уральском государственном университете им. А.М. Горького, а в 1941 г. – исторический факультет Пермского университета.

ВЫВОДЫ

Таким образом, в 1930-е гг. историческая наука на Урале развивалась в условиях жесточайшего идеологического давления, целью которого, с одной стороны» было вытеснение из научных учреждений специалистов «старой школы», с другой – формирование научных кадров, готовых в своих исторических произведениях проводить линию правящей партии. В «исторической политике» этого десятилетия выделяется три этапа наступления на историков со стороны государства, каждый из которых отличался своими методами преследования инакомыслящих. В результате к концу 1930-х гг. правящая партия и советское государство воспитали новую генерацию исследователей, которые отличались целым набором новых качеств, которые характеризуют советскую историческую науку в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / LIST OF REFERENCES

1. Алексеева Г.Д. История. Идеология. Политика (20–30-е годы) // Историческая наука России в XX в. М., 1997. С. 79–166. [Aleksееva G.D. Story. Ideology. Politics (20–30s). *Istoricheskaya nauka Rossii v XX v. M.*, 1997. P. 79–166.]
2. Бугров Д.В., Попов Н.Н. Ф.П. Быстрых на крутых поворотах истории // Урал в XX веке: экономика и политика. Екатеринбург, 2001. С. 4–6. [Bugrov D.V., Popov N.N. F.P. *Bystrykh on sharp turns of history. Ural v XX veke: ekonomika i politika. Yekaterinburg*, 2001. P. 4–6.]
3. Васильева О.И. Макаров Фаддей Петрович // Историки Урала XVIII–XX вв. Екатеринбург, 2003. С. 213–229. [Vasil'eva O.I. Makarov Faddei Petrovich // *Historians of the Urals in the XVIII–XX century. Yekaterinburg*, 2003. P. 213–229.]
4. Васильевский О.А. Историография и общественно-политические проблемы истории гражданской войны на Урале. Свердловск, 1981. 76 с. [Vas'kovskij O.A. *Historiography and socio-political problems of the history of the civil war in the Urals. Sverdlovsk*, 1981. 76 p.]
5. Волков Г. Вознесение. О том, как Сталин стал великим философом // Советская культура. 1988. 7 июня. С. 5. [Volkov G. *Ascension. About how Stalin became a great philosopher. Sovetskaya kul'tura*. June 7 1988. P. 5.]
6. Волобуев П.В. Сталинизм и социальные знания советского общества // История и сталинизм. М., 1991. С. 21–36. [Volo-buev P.V. *Stalinism and social knowledge of Soviet society. Istoriya i stalinizm*. M., 1991. P. 21–36.]
7. Гаврилов Д.В. С.М. Петров. У истоков марксистской исторической науки на Урале // Летописцы родного края. Свердловск, 1990. С. 112–125. [Gavrilov D.V. S.M. Petrov. *At the origins of Marxist historical science in the Urals. Letopiscy rodnogo kraja. Sverdlovsk*, 1990. P. 112–125.]
8. Государственный архив Свердловской области. Ф. 318-р. Вып. 1. Д. 4. [State Archive of the Sverdlovsk Region. F. 318-r. Issue 1. D. 4.]
9. Государственный архив Свердловской области. Ф. 318-р. Вып. 1. Д. 24. [State Archive of the Sverdlovsk Region. F. 318-r. Issue 1. D. 24.]
10. Государственный архив Свердловской области. Ф. 677-р. Вып. 1. Д. 28. [State Archive of the Sverdlovsk Region. F. 677-r. Issue 1. D. 28.]
11. Дунаевский В.А. О письме Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» и его влиянии на науку и судьбы людей // История и сталинизм. М., 1989. С. 284–297. [Dunaevskij V.A. *About Stalin's letter to the editorial board of the magazine "Proletarian Revolution" and its impact on the science and destinies of people. Istoriya i stalinizm*. M., 1989. P. 284–297.]
12. Заболотный Е.В. Макаров Фаддей Петрович // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С. 324. [Zabolotnyj E.V. Makarov Faddei Petrovich // *Ural historical encyclopedia. Yekaterinburg*, 2000. P. 324.]

⁵⁰ Дунаевский В.А. О письме Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» и его воздействии на науку и судьбы людей // История и сталинизм. М., 1989. С. 291.

⁵¹ Маслов Н.Н. «Краткий курс истории ВКП(б) – энциклопедия культа личности Сталина // Суровая драма народа: Ученые и публицисты о природе сталинизма. М., 1989. С. 341.

⁵² Волков Г. Вознесение. О том, как Сталин стал великим философом // Советская культура. 1988. 7 июня. С. 5.

⁵³ Камынин В.Д. Историческое образование // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С. 244.

13. *Заболотный Е.В.* Таняев Александр Петрович // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С. 520. [Zabolotnyj E.V. Tanyaev Aleksandr Petrovich // Ural historical encyclopedia. Yekaterinburg, 2000. P. 520.]
14. *Зорина Л.И.* Клер Модест Онисимович // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С. 265. [Zorina L.I. Kler Modest Onisimovich // Ural historical encyclopedia. Yekaterinburg, 2000. P. 265.]
15. *Камынин В.Д.* Историческое образование // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С. 244. [Kamynin V.D. Historical education // Ural historical encyclopedia. Yekaterinburg, 2000. P. 244.]
16. *Корнилов Г.Е.* Савич Александр Антонович // Историки Урала XVIII–XX вв. Екатеринбург, 2003. С. 319. [Kornilov G.E. Savich Aleksandr Antonovich // Historians of the Urals in the XVIII–XX century. Yekaterinburg, 2003. P. 319.]
17. *Маслов Н.Н.* Об утверждении идеологии сталинизма // История и сталинизм. М., 1989. С. 37–86. [Maslov N.N. On the approval of the ideology of Stalinism. *Istoriya i stalinizm*. M., 1989. P. 37–86.]
18. *Пашкова И.А.* Историческая наука в уральских национальных регионах в 30-е гг. // История репрессий на Урале в годы советской власти. Екатеринбург, 1994. С. 72–74. [Pashkova I.A. Historical science in the national regions of the Urals in the 30s. // The history of repression in the Urals in the years of Soviet power. Yekaterinburg, 1994. P. 72–74.]
19. *Пикuleва С.В.* Богословский Павел Степанович // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С. 93. [Pikuleva S.V. Bogoslovskii Pavel Stepanovich // Ural historical encyclopedia. Yekaterinburg, 2000. P. 93.]
20. *Покровский М.П.* М.О. Клер // Научно-техническая интеллигенция Урала в 20–30-е годы: дела и судьбы. Екатеринбург, 1993. С. 42–47. [Pokrovskij M.P. M.O. Kler // Scientific and technical intelligentsia of the Urals in the 20s – 30s: deeds and destinies. Yekaterinburg, 1993. P. 42–47.]
21. *Попов Н.Н.* Быстрых Федор Павлович // Историки Урала XVIII–XX вв. Екатеринбург, 2003. С. 51–73. [Popov N.N. Bystrykh Fedor Pavlovich // Historians of the Urals in the XVIII–XX century. Yekaterinburg, 2003. P. 51–73.]
22. *Тагильчева Н.Н.* Репрессии против представителей местных уральских обществ в конце 20–30-х гг. // История репрессий на Урале в советское время. Екатеринбург, 1994. С. 93–98. [Tagil'cheva N.N. Repressions against members of local societies of the Urals in the late 20s–30s // The history of repression in the Urals during the Soviet era. Yekaterinburg, 1994. P. 93–98.]
23. *Таняев А.* Письмо в редакцию // Уральский коммунист. 1932. № 8. С. 42–45. [Tanyaev A.P. Letter to the editors. *Ural'skij kommunist*. 1932. № 8. P. 42–45.]
24. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 129. Вып. 1. Д. 4. [Documentation Center of public organizations of Sverdlovsk region. F. 129. Issue 1. D. 4.]
25. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 221. Вып. 2. Д. 131. [Documentation Center of public organizations of Sverdlovsk region. F. 221. Issue 2. D. 131.]

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ РЕКОМЕНДУЕТ СТАТЬЮ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

Побережников Игорь Васильевич, доктор исторических наук, профессор; директор Института истории и археологии УрО РАН (специальность 07.00.09)

РЕЦЕНЗИЯ

на статью доктора исторических наук, профессора В.Д. Камынина и кандидата исторических наук, доцента Е.В. Лазаревой «Историческая политика» на Урале в 1930-е гг.: современный взгляд

Статья В.Д. Камынина и Е.В. Лазаревой посвящена анализу одной из наиболее актуальных проблем современной исторической науки: проблемы исторической политики советского государства. Само определение «историческая политика» не является устоявшимся и относится к новой терминологии, распространяемой в исторической науке под влиянием постмодернистских тенденций. Гораздо более часто употребляется понятие «политика советского государства в отношении исторической науки».

Авторы на уральском материале раскрыли основные направления установления государственного конт-

роля над исторической наукой в 1929–1941 гг. Основное внимание они уделили двум моментам: проведению реорганизации научных и краеведческих учреждений и репрессиям в отношении инакомыслящих историков.

Статья написана с современных научных позиций, опирается на значительное количество историографических и исторических источников, некоторые из которых впервые вводятся в научный оборот. Статья В.Д. Камынина и Е.В. Лазаревой может быть рекомендована к печати.

Доктор исторических наук, доцент;
профессор кафедры социально-гуманитарных наук
Уральского государственного университета
физической культуры (г. Челябинск)
И.Д. Панькин

"HISTORICAL POLITICS" IN THE URALS IN THE 1930s: MODERN VIEW

Kamynin Vladimir Dmitrievich, doctor of historical sciences, professor; Professor of the Department of Theory and History of International Relations Ural Federal University, Honored worker of higher school of Russia. Yekaterinburg, Russian Federation

Lazareva Elena Vladimirovna, candidate of historical sciences, associate professor, associate Professor of the Department of Theory and History of International Relations of Ural Federal University. Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the analysis of the policy of the Soviet state in the development of historical research in the Urals in the 1930s. Previously it was called "state leadership of science", now it is called "historical policy". The influence of the activities of state bodies on the organization of scientific research on the study of history is considered. Under the "organization of scientific research" refers to the activities of scientific institutions, universities, local history societies, the state of scientific personnel involved in the study of history. Highlights the stages in the realization of "historical policy" in the 1930s concluded that the most significant changes in government policy in relation to the science of history occurred in the 1920s – 1930s, Analyzes the debate occurring in modern science, about the reasons for the change of "historical policy" in this critical period for the country. The author assesses the repressions that fell on the historians of the Urals. For the first time in the scientific literature the stages of prosecution of historians during this decade are allocated.

Key words: "historical policy", historical science, scientific institutions, local history societies, personnel of historians, repressions.
